

Новиков Денис Викторович

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Статья посвящена исследованию феномена административного ресурса. По мнению автора, в современной российской политике административный ресурс выступает в качестве средства воспроизводства политического монополизма. А это, в свою очередь, позволяет элите (инсайдерам) осуществлять беспрепятственную реализацию собственных политических и экономических интересов за счёт интересов широких слоёв российского общества (аутсайдеров).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/5/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (72). С. 137-140. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 329

Политология

Статья посвящена исследованию феномена административного ресурса. По мнению автора, в современной российской политике административный ресурс выступает в качестве средства воспроизводства политического монополизма. А это, в свою очередь, позволяет элите (инсайдерам) осуществлять беспрепятственную реализацию собственных политических и экономических интересов за счёт интересов широких слоёв российского общества (аутсайдеров).

Ключевые слова и фразы: политика; административный ресурс; рента; политаризм; элита; политический монополизм.

Новиков Денис Викторович, к. полит. н., доцент

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

novikovdeniska@rambler.ru

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ[©]

В настоящее время изучение феномена административного ресурса представляет собой весьма популярную в современной российской политической науке тему. Многочисленные исследователи с различных предметных сторон анализируют проблему административного ресурса, предлагая различные пути её концептуального разрешения.

На наш взгляд, анализ многочисленных исследований проблемы административного ресурса, предпринятых за последние годы, позволяет сгруппировать их в рамки четырёх, отличающихся собственной предметной спецификой и методологией, концептуальных подходов.

Первую, наиболее многочисленную, группу представляют исследования, в которых административный ресурс изучается с помощью разновидности институционального подхода – описательно-индуктивного метода¹. С позиции данного метода административный ресурс как институт современной российской политики подвергается структурированному (и зачастую весьма детальному) описанию. Предметом изучения в данном случае становятся структурные компоненты административного ресурса (его типы), а также конкретные способы его проявления [2-5].

Вторую группу составляют исследования, в которых административный ресурс изучается с помощью другой разновидности институционального подхода – формально-легального метода [13]. Исследователи, использующие данный метод, ориентируются на предметное рассмотрение административного ресурса как разновидности политической коррупции, т.е. политической практики, противоречащей действующим правовым нормам.

Анализ работ, составляющих вышеобозначенные подходы, даёт основания для вывода об их значительной фрагментарности и (зачастую) поверхностности в изучении проблемы административного ресурса. Кроме этого, во всех данных работах фактически отсутствует (пусть даже в виде попытки) стремление вскрыть сущность явления административного ресурса, не ограничиваясь лишь его описанием.

Третью группу исследований административного ресурса составляют работы, авторы которых нацелены на предметное изучение его количественной стороны [6; 7; 14]. Опираясь на различные математические и статистические методы, данные исследователи занимаются вычислением объёма административного ресурса как в России в целом, так и в отдельных её регионах в частности.

Изучение авторами, представляющими данный подход, количественного выражения административного ресурса (при некоторой спорности предпринятой некоторыми из них операционализации данного понятия [7]) предоставляет исследователям необходимый эмпирический материал. Вместе с тем, сами по себе данные исследования являются, на наш взгляд, лишь эмпирическим средством, которое вне теоретического осмысления не способно объяснить (и тем более концептуализировать) тему административного ресурса.

Наконец, четвёртую группу составляют исследования, авторы которых занимаются не просто индуктивным и формально-легальным описанием административного ресурса, а пытаются вскрыть сущность данного явления и понять его каузальную обусловленность в общем контексте экономических, социальных и политических обстоятельств истории и современного состояния российского общества [9; 11; 12; 15]. Данную группу исследований характеризует известная теоретическая глубина анализа проблемы административного ресурса, а также стремление к её концептуализации.

Однако, несмотря на стремление указанных авторов к концептуальности, для них всё же характерна теоретическая незаконченность исследования темы административного ресурса. В связи с этим, работы данных авторов следует рассматривать как исследования, в которых скорее осуществляется теоретическая

[©] Новиков Д. В., 2013

¹ Здесь и далее при выделении отдельных методов, составляющих институциональный подход, автор опирается на анализ последнего, проделанный Т. А. Алексеевой в работе «Современные политические теории» [1, с. 76-97].

постановка проблемы, и лишь намечаются пути её теоретического рассмотрения, нежели происходит её полноценное концептуальное разрешение.

Наиболее законченным в концептуальном отношении исследованием административного ресурса (как в рамках четвёртой группы, так и в рамках всех четырёх групп), на наш взгляд, является исследование, принятое российскими экономистами Р. М. Нуреевым и С. Г. Шульгиным. В своих работах указанные авторы рассматривают административный ресурс в непосредственной связи с особенностями российской экономики, а именно – её высоким монополизмом. По мнению исследователей, между политическим монополизмом (и в т.ч. его проявлением – административным ресурсом) и монополизмом экономическим существует тесная связь, при которой каждый из них воспроизводит другой. «В 1990-е годы, – отмечают исследователи, – в постсоветской России возник порочный круг: современный российский рынок является продуктом неразвитой демократии, а неразвитая демократия, в свою очередь, становится результатом неконкурентного рынка» [12, с. 33]. Сам административный ресурс понимается Р. М. Нуреевым как «барьер входа на политический рынок, своеобразное проявление монополизма на политическом рынке» [11]. Административный ресурс способствует сокращению политической конкуренции, что, в свою очередь, приводит к ещё большему применению административного ресурса [15, с. 17].

По мнению исследователей, административный ресурс как экономико-политическое явление тесно связано с другим экономико-политическим явлением – рентой. В этом смысле, указывает С. Г. Шульгин, «административный ресурс – это, с одной стороны, накопленная политическая рента (следствие присвоения политической ренты), а с другой – потенциал политика, позволяющий ему получать политическую ренту в будущем (предпосылка получения политической ренты)» [Там же].

Указанная авторская позиция, связывающая административный ресурс как политическое явление с экономическим монополизмом и рендоориентированным поведением, представляется вполне обоснованной и частично соответствующей (в отношении связи политических явлений и процессов с экономическими явлениями и процессами) нашей исследовательской методологии. В связи с этим, концептуальные идеи Р. М. Нуреева и С. Г. Шульгина используются нами в настоящей статье в целях дальнейшего исследования административного ресурса.

На наш взгляд, административный ресурс, действительно, представляет собой способ получения политической и экономической ренты. Причём политическая рента, выражаемая в объёме властного ресурса (политического капитала), которым обладает тот или иной конкретный инсайдер, является инструментом дополнительного извлечения экономической ренты, и наоборот. Сотрудники российского отделения антикоррупционного центра *Transparency International* Е. Панфилова и С. Шевердяев при исследовании практики злоупотребления административным ресурсом на выборах объясняют её экономической детерминацией [13]. «Истинный мотив (использования административного ресурса – Н. Д.), – отмечают исследователи, – связан с личной заинтересованностью и, в общем, состоит в гарантировании сохранения или улучшения своего должностного статуса. Данный мотив личной заинтересованности может быть связан с такими побуждениями как карьеризм, протекционизм, желание получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т.п.» [Там же, с. 6-7].

Практика применения административного ресурса теснейшим образом связана с политическим монополизмом. Связь между данными явлениями носит диалектический взаимообуславливающий характер. Целью инсайдера, использующего административный ресурс, является занятие исключительного (монопольного) положения в политическом пространстве при одновременном устранении политической конкуренции. В данном случае использование административного ресурса становится инструментом воспроизводства политического монополизма. В свою же очередь, политический монополизм даёт инсайдеру возможности для использования административного ресурса и, как следствие, для извлечения экономической и политической ренты.

Констатация взаимосвязи административного ресурса и политического монополизма неизбежно ставит вопрос о её причинно-следственном характере. На наш взгляд, первичным («причинным») статусом обладает политический монополизм. Административный ресурс, в свою очередь, имеет статус производного явления. В связи с этим, становится ясно, что устранение практики применения административного ресурса в политике невозможно без ликвидации политического монополизма. Именно монопольное положение субъекта (инсайдера), наделяющее его исключительной возможностью присваивать экономическую и политическую ренту, продуцирует административный ресурс.

Идею о связи ренты и монополизма высказывал ещё К. Маркс. Так, в третьем томе «Капитала», разрабатывая теорию земельной ренты, учёный указывал, что именно «монополия на часть территории земли даёт так называемому земельному собственнику силу взимать дань, налагать контрибуцию (*т.е. взимать ренту* – Н. Д.)» [10, с. 154].

Современные исследователи административного ресурса и рендоориентированного поведения (*rent-seeking*) также связывают оба указанных явления с монополизмом.

Так, например, вышеупомянутый С. Г. Шульгин указывает на то, что «неконкурентный политический рынок... становится фактором формирования административного ресурса... Ослабляя конкуренцию, политик расширяет возможности по использованию доступных ему ресурсов, т.е. увеличивает свой “административный ресурс”, с помощью которого в дальнейшем он сможет ещё больше ограничивать конкуренцию» [15, с. 17].

Источником рентного дохода политического актора (представителя элиты, инсайдера), возникающим вследствие использования административного ресурса, является, на наш взгляд, эксплуатация аутсайдеров, выступающая в форме внеэкономического и неполитического принуждения.

Внеэкономический характер принуждения аутсайдеров объясняется его исключительно силовой (насильственной) природой. Логика данного внеэкономического принуждения предполагает, по существу, одностороннее выполнение аутсайдерами требований инсайдеров, строящееся по формуле: «только ты – мне».

В свою очередь, неполитический характер данной эксплуатации обуславливается тем, что она (эксплуатация) осуществляется за пределами официального и легитимного избирательного процесса¹.

Данная эксплуатация аутсайдеров, возникающая в процессе использования инсайдерами административного ресурса, проявляется либо в открытой, либо в скрытой (латентной) форме. Примерами открытой эксплуатации аутсайдеров являются принуждение к участию в голосовании (т.н. обеспечение явки), а также принуждение к голосованию за конкретного кандидата. И в том, и в другом случае аутсайдеры несут явные прямые издержки. Примерами скрытой эксплуатации аутсайдеров являются перенос даты выборов и снятие с выборов кандидатов. В данном случае издержки аутсайдеров носят непрямой характер и, зачастую, в силу этого даже не осознаются ими.

Обе указанные формы принуждения (открытая и латентная) представляют собой эксплуатацию («игру с нулевой суммой»), т.е. действия инсайдеров (господствующего класса) по реализации собственных экономических интересов за счёт интересов аутсайдеров.

Источником эксплуатации, возникающей в ходе использования административного ресурса, на наш взгляд, является существующее в российском обществе политарное неравенство, при котором социальная структура представлена двумя классами – элитой (инсайдерами) и массой (аутсайдерами). Данное неравенство наделяет элиту (инсайдеров) политическим капиталом (властью) и, таким образом, предоставляет ей монопольное право на использование административного ресурса в целях реализации собственных политических (а, значит, и экономических) интересов. В свою очередь, лишённые политического капитала (власти) аутсайдеры в процессе использования административного ресурса выступают в качестве объекта эксплуатации, неся при этом все экономические (а, значит, и политические) издержки.

Исходя из всего вышесказанного, следует сделать вывод о том, что источником административного ресурса является «особенная» политарная (периферийная) природа современного российского капитализма. Именно она создаёт социально-экономические основы для воспроизводства данного политического явления. Сам по себе административный ресурс обладает инструментальным статусом. Он выступает в качестве средства (инструмента, технологии), воспроизводящего политический монополизм и позволяющего, таким образом, российскому господствующему классу (инсайдерам) осуществлять беспрепятственную реализацию собственных политических, а, следовательно, и экономических интересов за счёт интересов широких слоёв российского общества (аутсайдеров).

Список литературы

1. **Алексеева Т. А.** Современные политические теории: курс лекций. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, 2007. 464 с.
2. **Булгак О., Лычагин А.** Злоупотребление административным ресурсом в ходе избирательных кампаний как угроза основным ценностям демократической системы России // *Власть*. 2011. № 2. С. 115-116.
3. **Вагин А.** Злоупотребление административным ресурсом в избирательном процессе в современной России // *Власть*. 2010. № 4. С. 136-137.
4. **Вагин А.** Противодействие административному ресурсу на выборах: опыт муниципальных избирательных кампаний в Подмосковье // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2010. № 3. С. 83-87.
5. **Важенина О. В.** Административный ресурс в государственном управлении: хорошо это или плохо? [Электронный ресурс]. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=640> (дата обращения: 15.04.2013).
6. **Заварзин А. В.** Электоральная культура России: классификации и картографирование в геоинформационной среде [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gisa.ru/10295.html> (дата обращения: 15.04.2013).
7. **Звоновский В.** Административный ресурс: вариант исчисления объёма // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2000. № 1. С. 35-37.
8. **Крастев И., Холмс С.** Странная смерть управляемой демократии // *Вестник общественного мнения*. 2012. № 2. С. 48-55.
9. **Маркедонов С.** Административный ресурс как реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/politics/20010226.html> (дата обращения: 15.04.2013).
10. **Маркс К.** Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2 // *Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9-ти т. М.: Политиздат, 1988. Т. 9. Ч. 2. С. 3-506.*
11. **Нуреев Р. М.** Административный ресурс и его эволюция в постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econogus.org/doc/elmp/Nureev.pdf> (дата обращения: 15.04.2013).

¹ Существует, впрочем, и иная точка зрения. Так, например, современные западные исследователи Иван Крастев (Институт гуманитарных наук, Вена, Австрия) и Стивен Холмс (Нью-Йоркский университет, США) считают, что «нечестные выборы» с «подтасованным» результатом являются инструментом укрепления «веры» общества в авторитарный характер российского политического режима. В данном случае административный ресурс обладает демонстрационным эффектом, призванным убедить общество в авторитарности («властности») политического лидера. По существу, таким образом, административный ресурс в современной российской политике выполняет легитимизирующую функцию [8, с. 48-55].

12. Нуреев Р. М., Шульгин С. Г. Взаимосвязь экономического и политического монополизма в российских регионах: административный ресурс и формы его проявления // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 3. С. 33-40.
13. Панфилова Е. А., Швердяев С. Н. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. М.: Де Ново, 2005. 104 с.
14. Сулакшин С. С. Избирательная система и успешность государства // Проблемы формирования государственной политики и управления: материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2013. Вып. 5 (52). С. 6-110.
15. Шульгин С. Г. Влияние рентоориентированного поведения на политические деловые циклы: автореф. дисс. ... к.э.н. М., 2006. 24 с.

УДК 811.511.21

Филологические науки

В статье рассматриваются роль и функции деревьев в культуре и языке представителей одного из миноритарных этносов Сибири – селькупов. На основе анализа лингвистического материала и результатов ассоциативного эксперимента выявляются и описываются деревья, обладающие наибольшей культурной ценностью для селькупского этноса. Исследуются причины особого статуса кедра и березы в селькупской культуре.

Ключевые слова и фразы: селькупский язык; образ дерева в культуре; жертвенное дерево; мировое древо; ассоциативный эксперимент; культурная значимость.

Полякова Наталья Владимировна, к. филол. н.

Томский государственный педагогический университет

nataliapoliakova@yahoo.com

ДЕРЕВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ СЕЛЬКУПОВ[©]

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-14-70001a/Г
«Этнокультурная специфика наименований объектов растительного и животного мира
и ее отражение в самодийских, германских и русском языках».*

В этнографических и фольклорных источниках по селькупскому языку зафиксировано множество свидетельств особого отношения к отдельно стоящим деревьям, выделяющимся среди прочих своей древностью, формой или месторасположением. Если деревья погибают, то память о них надолго сохраняют жители, даже покинувшие родные края.

Н. А. Тучкова приводит интересный рассказ информанта В. Н. Тагаевой о двух соснах, которые росли недалеко от поселка: «Одна давно сгнила, от нее только пень оставался. Вторая стояла, и мы ею всегда любовались. Притягивала она нас, особенно в детстве. Взрослые, может, раньше монеты кидали ей под пень. Мы просто смотрели на нее. В Ласкино идешь – ее издали видать. На душе сразу хорошо, домой пришел. Свалили эту сосну на дрова. Мужик из Новосельцева. Говорят, когда ее валили, то она визжала человеческим голосом, да так, что в Ласкино слышно было» [6, с. 115].

Особое отношение к некоторым деревьям в селькупской культуре может быть объяснено тем фактом, что дерево может выступать в качестве модели Вселенной. Приведем в этой связи точку зрения Т. В. Жаковой: «Дерево вступает в определенные отношения с хтоническим миром (ползающие пресмыкающиеся проникают в его корни, а птицы строят гнезда на его ветвях). Кроме того, дерево соединяет в себе все Первоэлементы Вселенной: вода циркулирует вместе с его соком, земля связана с его стволом через корни, воздух питает листву, а огонь добывают путем трения древесины. Корни дерева погружены в почву, а ветви поднимаются к небу, именно поэтому его считают синонимом Мировой Оси, и оно является дорогой вверх (шаманские столбы в Сибири; путь духов или путь в хижину, где есть солнце; центральный столб, являющийся опорой в храме или доме согласно иудейско-христианской традиции; позвоночник, удерживающий человеческое тело в вертикальном положении – храм души). Солнечный свет, питающий листья, и земные воды, питающие корни, – все это соединяется во плоти деревьев, рожденных от брака земли и неба» [2, с. 141-142].

По мнению Т. В. Цивьян, «в каждой традиции выделяется одно или несколько репрезентативных растений. Они как бы аккумулируют и основные функции, и основные атрибуты, и основные сюжеты и мотивы, переходя, таким образом, границы своего кода, и обязательно формируют особый круг текстов» [7, с. 46].

Символизм дерева проходит через верования и традиции многих народов: дуб у кельтов, липа у германцев, ясень у скандинавов, оливковое дерево у мусульман, лиственница и береза у народов Сибири [2, с. 142]. Береза, например, выделяется ослепительной белизной, а насечки на ее стволе символизируют этапы шаманского вознесения богов, духов и душ, осуществляя, таким образом, связь между небом и землей (верхом и низом) [1].